ДИСКУССИИ

ОБ ИРРЕЛЕВАНТНОСТИ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ

(комментарий к статье М.С. Гусельцевой «Типы рациональности как основание для периодизации психологического знания»)

А.А. ФЁДОРОВ

Рассматривается правомерность периодизации истории психологии на основе типов рациональности, сведенных к диалектической триаде «тезис–антитезис–синтез». На конкретных историко-психологических фактах развития ассоциативной психологии и бихевиоризма показано, что такая периодизация не соответствует реальному развитию психологической науки.

Ключевые слова: философия науки, история науки, тип рациональности, эволюция психологических концепций, бихевиоризм.

Известный в среде философов и историков науки принцип «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа», как правило, приписывают Имре Лакатосу, озвучившему его в работе 1970 г. «История науки и ее рациональные реконструкции» (2003, с. 457)[1]. Он, однако, лишь повторил тезис, который в 1962 г. сформулировал Норвуд Хэнсон в статье, где отстаивалась логическая независимость истории науки и философии науки (Hanson, 1962, p. 580)[2]. Несмотря на провокационность основного постулата, Н. Хэнсон, как и И. Лакатос, был уверен в возможности плодотворного сотрудничества между философией науки и историей науки. При этом он указывал, что существуют три типа интерпретации взаимоотношений между этими двумя дисциплинами. Во-первых, философия науки может полностью предопределять деятельность историка науки: то, каких ученых он выделяет, то, какие факты отбирает, и то, как он их интерпретирует. Н. Хэнсон использовал термин «космические обязательства» (*cosmic commitments*), описывая такой тип связи, и подчеркивал опасность их некритического принятия.

Во-вторых, историки науки могут сосредоточиваться не на «философской архитектуре», а на «концептуальных кирпичах и балках» (термины Н. Хэнсона), составляющих структуру конкретной истории науки. В этом случае развитие философских категорий рассматривается сквозь призму истории науки.

Наконец, возможна третья интерпретация, которая принадлежит самому Н. Хэнсону: нам нужно обращать внимание не на архитектуру и не на «кирпичи и балки». Фокусом анализа должны стать научные доказательства, которые являются «инженерными связями» здания науки. Именно «подробный анализ подробных

---

[1] Отмечу: И. Лакатос говорит, что эти слова являются парафразой известного изречения И. Канта. По-видимому, речь идет о следующей фразе в «Критике чистого разума»: «Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» (Кант, 1994, с. 71).

[2] Полностью этот тезис у Н. Хэнсона сформулирован следующим образом: «...история науки без философии науки слепа. Теперь я должен взять на себя обязанность показать, что философия науки без истории науки пуста» (Hanson, 1962, p. 580).

аргументов ученых и историков является областью, в которой философия может как в наибольшей степени помочь, так и получить помощь» (Там же, p. 576).

Это краткое изложение взглядов Н. Хэнсона преследует следующую цель: далее я попытаюсь показать, что в своей статье М.С. Гусельцева (2013) допускает, на мой взгляд, несколько ошибок, связанных с первой интерпретацией взаимоотношений философии науки и истории науки, беря на себя «космические обязательства» по поиску трех типов рациональности в истории психологии.

Затрагивая непростую проблему периодизации психологического знания, М.С. Гусельцева полагает, что развитие психологии может быть рассмотрено сквозь призму смены трех типов рациональности. Несмотря на то что в статье присутствует отсылка к работе В.С. Стёпина, который впервые описал три типа рациональности в истории науки, нельзя не увидеть, что то, как М.С. Гусельцева определяет эти типы, существенно расходится с тем, как их понимал В.С. Стёпин.

М.С. Гусельцева полагает, что «за сменой типов рациональности в глубине лежит универсальная модель развития» (2013, с. 8), восходящая к известной диалектической триаде «тезис–антитезис–синтез». Это «наглядное», по мнению М.С. Гусельцевой, представление о взаимодействии типов рациональности позволяет описывать не только историю психологии в целом, но и развитие отдельных психологических школ: «*В развитии каждой психологической школы есть классический период – установление канона, неклассический период – ревизия, пересмотр и постнеклассический период – возникновение если не синтеза, то интеграции и переинтерпретации классического и неклассического знания, а также прорыв в новую познавательную ситуацию, глобальное переструктурирование проблемного поля науки, рождение новой методологии, новой парадигмы*. Таким образом, сменяющие друг друга типы рациональности характеризуют не только эволюцию парадигм, но и динамику внутри парадигм» (Там же, с. 10). В данном рассуждении содержится логическая ошибка, которая подменяет понятия с бóльшим содержанием, но меньшим объемом (классический, неклассический и постнеклассический типы рациональности) понятиями с меньшим содержанием, но бóльшим объемом (тезис, антитезис, синтез). Это позволяет М.С. Гусельцевой интерпретировать любой начальный этап в развитии парадигмы (тезис – «установление канона») как соответствующий классической рациональности. Аналогичным образом второй этап в развитии парадигмы (антитезис – «критика канона») рассматривается как отражение неклассической рациональности, а третий (синтез – «соединение классических и неклассических концепций) – постнеклассической. Такое понимание не только существенным образом «выхолащивает» смысл, вкладываемый В.С. Стёпиным в типы рациональности, но и тривиализирует саму концепцию развития науки как смену типов рациональности, сводя ее к широко известной диалектической схеме. Мое утверждение заключается в следующем: даже если развитие некоторого явления укладывается в схему «тезис–антитезис–синтез», это не означает, что оно может быть представлено как смена типов рациональности. Так, радикальный бихевиоризм Б.Ф. Скиннера, который М.С. Гусельцева рассматривает как отражение неклассической рациональности в психологии, является, согласно критериям В.С. Стёпина, воплощением рациональности классической.

Иными словами, схема В.С. Стёпина, в которой типы научной рациональности «характеризуются различной глубиной рефлексии по отношению к самой научной деятельности» (2011, с. 367), не связана с «типом рациональности», рассматриваемым М.С. Гусельцевой в триаде «тезис–

антитезис–синтез». Этапы, выделяемые М.С. Гусельцевой в развитии психологических парадигм, не относятся к смене *типа рациональности*, а лишь указывают на диалектические отношения, в которых находятся концепции, выдвигаемые на разных этапах эволюции парадигмы. Опираясь на критерии В.С. Стёпина, можно показать, что, например, в рамках ассоциативной психологии XIX в. все перечисляемые в статье концепции (Дж. Милля, Т. Брауна, Д. Гартли, Дж.Ст. Милля, А. Бэна, Г. Спенсера) основывались на классическом типе рациональности[3]. Критика предшествующих теорий вовсе не означает смену типа рациональности.

Если принять трактовку, предложенную М.С. Гусельцевой, то мы, по сути, имеем дело с попыткой интерпретировать развитие психологии и психологических парадигм, используя диалектическую триаду. Здесь можно выделить три аспекта.

Во-первых, остается не ясно, зачем в данном случае была задействована терминология, апеллирующая к типам рациональности и, по сути, теряющая свое *классическое* содержание (представленное в работах В.С. Стёпина и его последователей)[4].

Во-вторых, интерпретация развития науки через диалектическую триаду не является новой. Она была широко распространена в советской философии науки, более того, даже противники диалектического материализма не могли не признавать, что она адекватно описывает *некоторые* моменты в развитии научного знания. Вот, к примеру, что пишет К. Поппер, приведя описание диалектической триады: «Едва ли можно сомневаться в том, что диалектическая триада хорошо описывает определенные ступени в истории мышления, особенно в развитии идей, теорий и социальных движений, опирающихся на идеи или теории» (2004, с. 518).

В-третьих, применять диалектику следует с осторожностью, «чтобы не приписать ей лишних достоинств» (Там же, с. 520). Не стоит брать на себя «космические обязательства» по поиску этой триады в развитии любого феномена. Например, понимание следующего за борьбой «тезиса» и «антитезиса» этапа в развитии как «синтеза» может быть ошибочным. Более того, диалектическое описание дает сбои, если развитие начинается не с одного тезиса, а с нескольких. Попытка «втиснуть» развитие психологических школ в схему «тезис–антитезис–синтез» может приводить к серьезным ошибкам в оценке конкретных теорий и взглядов. Позволю себе проиллюстрировать эти ошибки на примере развития ассоциативной психологии и бихевиоризма (вслед за обсуждаемой статьей).

Ассоциативная психология. М.С. Гусельцева исходит из того, что классический тип рациональности – это «своего рода единомыслие» (2013, с. 9). Вооружившись этой установкой, она описывает *классическую ассоциативную школу*, представленную доктринами Д. Гартли, Т. Брауна и Дж. Милля, как механистическую («ментальная физика»). *Неклассическая ассоциативная школа* описывается ею на основе взглядов Дж.Ст. Милля, определяемых как «ментальная химия»: «В результате же ревизии родился следующий – критический – этап в развитии ассоциативной психологии: “ментальная химия”. Химия как наука явилась для психологии новым методологическим вызовом, который показал, что синтетическое целое больше отдельных элементов» (Там же). Увы, эту схему – «*классическая* “ментальная физика” – *неклассическая*

[3] Это неудивительно, если принять во внимание тот факт, что неклассическая рациональность, согласно В.С. Стёпину (2011), стала зарождаться только в конце XIX в.

[4] Укажем, что, несмотря на существование англоязычных переводов работ В.С. Стёпина (Stepin, 2005), его концепция широкого распространения в зарубежной философии науки не получила и еще только ждет своей критической оценки.

“ментальная химия”» – разрушает тот факт, что идея ментальной химии принадлежала вовсе не Дж.Ст. Миллю, а Т. Брауну, отнесенному к классической ассоциативной психологии. В 1822 г. – на семь лет раньше выхода «Анализа феноменов человеческого ума» Дж. Милля, в которых он представил свою ментальную физику, – были изданы «Лекции по философии человеческого ума» Т. Брауна, в которых он писал о том, что деятельность ума должна быть понята не по аналогии с физикой, но по аналогии с химией[5]. Вот что он пишет: «С самого первого мгновения своего опыта, ум постоянно демонстрирует феномены все более и более сложные: чувства, мысли, эмоции, которые смешиваются друг с другом; и почти каждое чувство изменяет, в большей или меньшей степени, чувства, которые следуют за ним. <...> В этой спонтанной *химии ума* [*chemistry* of the *mind*] целостное чувство, возникшее в результате ассоциаций предшествующих чувств, во многих случаях, при первом рассмотрении, имеет так мало сходства со своими составляющими, существовавшими ранее в элементарном состоянии, что требуется самое внимательное рассмотрение для того, чтобы разделить его и проследить развитие отдельно от других совокупностей, которые могли создаваться даже несколько лет» (Brown, 1822, p. 156). Эта аналогия с химией встречается в работах Т. Брауна множество раз[6]. Более того, анализ Говарда Уоррена, проведенный в вышедшей почти столетие назад «Истории ассоциативной психологии», показывает, что идея «ментальной химии» является неотъемлемой частью ассоциативной психологии и была высказана даже ранее Томаса Брауна в работах А. Такера и Дж. Пристли, который был не только философом-ассоцианистом, но и выдающимся химиком, открывшим кислород. По мнению Г. Уоррена, механико-физический подход к ассоциативному процессу был характерен исключительно для Джеймса Милля и, возможно, Александра Бэна (Warren, 1921). Дж. Милль, безусловно, не может претендовать на то, чтобы быть основателем и единственным представителем «классической ассоциативной психологии», поэтому критика Дж.Ст. Миллем учения своего отца не может рассматриваться как критика всей «классической ассоциативной психологии». Следовательно, в концептуальном смысле подход Дж.Ст. Милля не является новым «антитетическим» этапом в развитии ассоциативной психологии, поскольку опирается на идеи, предшествовавшие его взглядам.

Таким образом, невозможность применения триадической схемы к анализу истории ассоциативной психологии проистекает как минимум из того, что даже на ранних этапах своего развития она отличалась разнообразием взглядов (а не единомыслием), которые не могут быть сведены к единственному тезису о *ментальной физике*.

Бихевиоризм. Может показаться, что схема «тезис–антитезис–синтез» лучше подойдет для описания парадигм, у истоков которых находится один человек, установивший канон. К таким парадигмам могут быть отнесены бихевиоризм, основанный Дж. Уотсоном, и психоанализ, *изобретенный* З. Фрейдом.

Пытаясь выполнить «космические обязательства» по выделению в развитии бихевиоризма трех этапов, М.С. Гусельцева выделяет *классический бихевиоризм*, представленный теорией Дж. Уотсона, *неклассический бихевиоризм*, включающий необихевиоризм К. Халла, Э. Толмена и Б. Скиннера, и *постнеклассический*, вклю-

---

[5] Традиционно слово «mind» в названиях этих работ переводится как «дух», хотя более точным является термин «ум».

[6] Например, он использует термин «интеллектуальная химия» в следующем пассаже: «...аналитическая наука ума, которая, как я уже говорил, может рассматриваться в своих самых важных аспектах как разновидность интеллектуальной химии...» (Brown, 1822, p. 501).

чающий концепции А. Бандуры, Дж. Роттера и У. Мишела.

В реконструкции М.С. Гусельцевой постнеклассическая психология представляет собой синтез, попытку «соединить как классические концепции, так и неклассические» (2013, с. 7). Из этого следует, что, например, теория А. Бандуры неким образом синтезирует (пусть посредством «реконтекстуализации») классический бихевиоризм Дж. Уотсона и концепции Э. Толмена, Б. Скиннера и К. Халла. Это сильное утверждение должно быть обосновано тщательным анализом работ А. Бандуры, поскольку в таком виде оно представляется ложным. Более того, А. Бандура ясно говорил следующее: «Что интересно объяснить, так это не мой переход от бихевиоризма к социокогнитивизму, а то, почему авторы психологических текстов продолжают неправильно описывать мой подход, как имеющий истоки в бихевиоризме. Спрашиваете, как бы я описал свою раннюю позицию? Социальный когнитивизм» (из переписки с д-ром Ф. Пахаресом). Термин «научение» не является однозначным маркером бихевиористской теории, и многие авторы современных работ по истории психологии описывают теории А. Бандуры, Дж. Роттера и У. Мишела как когнитивные[7].

Кроме того, если принять широкую трактовку необихевиоризма как теории, использующей промежуточные переменные (такую формулировку приводит и М.С. Гусельцева), то теория А. Бандуры может быть с полным правом названа необихевиористской и, таким образом, отнесена к «неклассическому этапу» в развитии бихевиоризма. Так, Н. Смит полагает, что эта теория вполне может концептуализироваться схемой медиационного бихевиоризма «S–O–R»: «Триады Махони и Бандуры отличаются от формулы Вудвортса “S–O–R” только тем, что их компоненты находятся в реципрокных, а не в линейных (действующих только в одном направлении) причинно-следственных отношениях» (2003, с. 66). Б. Хегенхан отмечает, что во многих отношениях теория Бандуры может рассматриваться как дальнейшее развитие теории Э. Толмена (Hergenhahn, 2009; Хегенхан, Олсон, 2004).

Проблема широкой интерпретации необихевиоризма связана, однако, с тем, что в таком случае развитие бихевиоризма оказывается двухэтапным (бихевиоризм и необихевиоризм), что, во-первых, «скрывает» богатство бихевиористских концепций, возникших после Дж. Уотсона (включая их все в одну группу), и, во-вторых, приводит к излишне широкой трактовке термина «бихевиоризм»[8]. Очевидно, что двухэтапное развитие не укладывается в диалектическую триаду.

Наконец, мы можем использовать ярлык «необихевиористский» с осторожностью, маркируя им узкий круг концепций, в первую очередь, концепций Э. Толмена, К. Халла и К. Спенса. Это узкое понимание включает принятие тезиса о том, что необихевиоризм опирался на логический позитивизм, пытаясь с его помощью выйти за пределы классического бихевиоризма Дж. Уотсона. На эту связку указывают различные историки психологии (Moore, 1985; Лихи, 2003; Hergenhahn, 2009). В таком понимании из числа необихевио-

[7] Например: «Одна из наиболее популярных когнитивных теорий в современной психологии – это социально-когнитивная теория Альберта Бандуры» (Hergenhahn, 2009, p. 628); «Когнитивные теории личности были созданы Мишелом, Роттером и Бандурой» (Jones, Elcock, 2001, p. 149).

[8] Выделение собственно бихевиористских и необихевиористских концепций можно встретить в работе Дж. Милса «Контроль: история поведенческой психологии», в которой представлена широкая панорама развития бихевиоризма (Mills, 1998). Примечательно, что он не использует такие маркеры, как «социальный бихевиоризм» или «когнитивный бихевиоризм», а имя А. Бандуры в самом тексте встречается единожды (не считая двух упоминаний в списке литературы), и он назван просто «психологом», а не «бихевиористом» (Там же, p. 164). Упоминаний о Дж. Роттере и У. Мишеле в этой работе вообще нет.

ристов следует исключить Б. Скиннера: он считал логический позитивизм плохой основой для теории поведения и не ориентировался на его стандарты в построении своей версии бихевиоризма (Skinner, 1963; Skinner, Blanshard, 1967; Smith, 1986). Таким образом, принимая узкую трактовку необихевиоризма, следует выделить радикальный бихевиоризм Б. Скиннера как отдельный этап в развитии бихевиоризма. И если в такой трактовке теория Б. Скиннера становится третьим звеном, мы снова возвращаемся к тому, можно ли его подход считать «синтезом» предшествующих теорий.

Наконец, даже если мы выделим три этапа в развитии бихевиоризма (будь то три этапа от Дж. Уотсона до А. Бандуры (Гусельцева, 2013) или три этапа от Дж. Уотсона до современного бихевиоризма, включающего как Б. Скиннера, так и А. Бандуру (Madsen, 1988)), остается проблема, которая связана не только с адекватностью интерпретации этой схемы с позиций диалектической триады, но и с тем, как в нее включить действительно современные бихевиористские теории: модулярный бихевиоризм У. Тимберлейка (Timberlake, 1994), телеологический бихевиоризм Г. Рахлина (Rachlin, 1992), интенциональный бихевиоризм Г. Фоксала (Foxall, 2007), психологический бихевиоризм А. Стаатса (Staats, 1996) и др. Если мы объявим эти подходы третьим этапом, то что делать с этапом, который был третьим до этого? И если это третий этап, то действительно ли он «синтезирует» предшествующие бихевиористские теории? И не будет ли теорий, которые возникнут после?[9]

[9] Отмечу, что трехэтапное развитие парадигмы имплицитно включает идею «конца истории»: с наступлением третьего этапа прогресс в развитии парадигмы прекращается (по крайней мере, в смысле эволюции рациональности). Это справедливо и в отношении всей психологии: постнеклассический этап в ее развитии видится и вершиной, и концом. Похожие идеи высказывали в отношении философии и/или общества Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс и Ф. Фукуяма (Фукуяма, 2010). На мой взгляд, подобный финализм нельзя признать продуктивным. Равным образом, если рациональность и эволюционирует (эту проблему нельзя считать решенной), то не ясно, почему следует выделять в ее развитии именно три этапа. Чтобы не быть голословным, укажу на точку зрения словацкого логика В. Филкорна, который еще в 1953 г. (замечу, до В.С. Стёпина) говорил об исторических типах рациональности в развитии логики и науки, выделяя четыре этапа: классификационный, относительный, каузальный и диалектический (приводится по: Černík, Viceník, Višňovský, 1998).

*

В целом, я убежден, что подобные проблемы вскроются при рассмотрении многих психологических парадигм. Таким образом, моя критика по отношению к попытке М.С. Гусельцевой использовать «типы рациональности как основание для периодизации психологического знания» может быть суммирована в следующих пунктах.

1. Реальное развитие психологии и психологических школ – сложный процесс, который не укладывается в трехчленную схему «тезис–антитезис–синтез». Использование этой схемы не только не способствует заявленному многомерному анализу, но упрощает сложную динамику исторического процесса развития научного знания.

2. Даже когда развитие отдельной парадигмы может быть представлено в виде трех этапов (пусть и с содержательными потерями), эти три этапа не могут интерпретироваться схемой «тезис–антитезис–синтез». Мы показали это на примере ассоциативной психологии (учение Дж.Ст. Милля не является «антитезисом» предшествующей ассоциативной психологии, впрочем, как и работы Г. Спенсера ее синтезом) и на примере бихевиоризма (подход А. Бандуры не есть синтез классического бихевиоризма и необихевиоризма).

3. Схема «тезис–антитезис–синтез» лишает содержания концепцию развития науки посредством смены типов рацио-

нальности. Так, любой «антитетический» этап объявляется неклассическим, даже если очевидно, что в нем нет признаков неклассической рациональности. Например, «неклассические» подходы Б. Скиннера и Дж.Ст. Милля, если использовать критерии В.С. Стёпина, являются образцами классического мышления. В общем виде, эволюция парадигмы не обязательно подразумевает эволюцию рациональности.

4. Развитие психологии в целом также не соответствует схеме «тезис–антитезис–синтез», поскольку сводит многообразие психологии XIX в. к «канонической» ассоциативной психологии. В действительности, «сплоченное научное сообщество» и «единомыслие» этого периода есть не более чем иллюзия. Одновременно с ассоциативной психологией существовала, например, идеалистическая немецкая психология, в которой было совершенно иное ви́дение сущности психологической науки. Д. Лири прекрасно показал, что нельзя недооценивать ее влияние на развитие современной психологии (Leary, 1980). В 1874 г. Франц Брентано, современник Дж.Ст. Милля, Г. Спенсера, А. Бэна и В. Вундта, в предисловии к своей знаменитой работе «Психология с эмпирической точки зрения» писал: «На место психологий мы обязаны поставить психологию» (Брентано, 1996, с. 11).

По мнению М.С. Гусельцевой, сводящей психологию XIX столетия к ассоцианизму, «неклассическая психология» XX в. построена на критике «классики». Д. Робинсон в «Интеллектуальной истории психологии», напротив, прямо пишет о том, что «современная психология... является, в значительной степени, примечанием к девятнадцатому столетию» (2005, с. 456). Впрочем, это понимание родилось давно. Так, М.С. Гусельцева пишет о том, что «неклассический» бихевиоризм пытался отказаться от «классической» идеи сознания (борьба «тезиса» и «антитезиса»). Но еще Е. Титченер, один из сторонников интроспективной психологии сознания, ссылаясь на О. Конта и А. Курно, в этой связи замечает, что бихевиоризм Дж. Уотсона вовсе не был революционным, а напротив, психология уже не раз к тому времени, как тот сформулировал свою программу, пыталась отказаться от изучения сознания (Titchener, 1914). Все это снова нас возвращает к тому, что единство психологии XIX в. иллюзорно.

Таким образом, периодизация психологического знания на основе «типов рациональности», предложенная М.С. Гусельцевой, не соответствует реальному историческому процессу. История науки без философии науки слепа, но не стоит брать на себя «космические обязательства» по сведению сложной истории науки к сухим и, возможно, ошибочным философским схемам.

1. *Брентано Ф.* Психология с эмпирической точки зрения // Брентано Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. С. 9–91.
2. *Гусельцева М.С.* Типы рациональности как основание для периодизации психологического знания // Вопр. психол. 2013. № 4. С. 3–15.
3. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
4. *Лакатос И.* История науки и ее рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. С. 455–524.
5. *Лихи Т.* История современной психологии. СПб.: Питер, 2003.
6. *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: АСТ; Ермак, 2004.
7. *Робинсон Д.Н.* Интеллектуальная история психологии. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
8. *Смит Н.* Современные системы психологии. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
9. *Стёпин В.С.* История и философия науки. М.: Академический Проект; Трикста, 2011.
10. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; Полиграфиздат, 2010.
11. *Хегенхан Б., Олсон М.* Теории научения. СПб.: Питер, 2004.
12. *Brown T.* Lectures on the philosophy of the human mind: In 3 vol. V. 1. Andover: Mark Newman (pr. by Flagg & Gould), 1822.

13. *Foxall G.R.* Intentional behaviorism // Behavior and Philosophy. 2007. V. 35. P. 1–55.
14. *Hanson N.R.* The irrelevance of history of science to philosophy of science // J. of Philosophy. 1962. V. 59 (21). P. 574–586.
15. *Hergenhahn B.R.* An introduction to the history of psychology. Belmont, CA: Wadsworth Publishing, 2009.
16. *Jones D., Elcock J.* History and theories of psychology: A critical perspective. L.: Edward Arnold Publishers, 2001.
17. *Leary D.E.* German idealism and the development of psychology in the nineteenth century // J. of the History of Philosophy. 1980. V. 18. P. 299–317.
18. *Madsen K.B.* A history of psychology in metascientific perspective. Amsterdam; N.Y.: North-Holland, 1988. (Advances in Psychology; V. 53).
19. *Mills J.A.* Control. A history of behavioral psychology. N.Y.; L.: New York Univ. Press, 1998.
20. *Moore J.* Some historical and conceptual relations among logical positivism, operationism, and behaviorism // The Behavior Analyst. 1985. V. 8 (1). P. 53–63.
21. *Pajares F.* From behaviorism to social cognition? (из переписки с А. Бандурой) [Электронный ресурс]. URL: http://www.uky.edu/~eushe2/Bandura/banconversion.html (дата обращения 19.09.2013).
22. *Rachlin H.* Teleological behaviorism // Amer. Psychol. 1992. V. 47 (11). P. 1371–1382.
23. *Skinner B.F.* Behaviorism at fifty // Science. 1963. V. 140. P. 951–958.
24. *Skinner B.F., Blanshard B.* The problem of consciousness – A debate // Philosophy and Phenomenological Research. 1967. V. 27 (3). P. 317–337.
25. *Smith L.D.* Behaviorism and logical positivism: A reassessment of the alliance. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1986.
26. *Staats A.W.* Behavior and personality: Psychological behaviorism. N.Y.: Springer, 1996.
27. *Stepin V.* Theoretical knowledge. Dordrecht: Springer, 2005.
28. *Timberlake W.* Behavior systems, associationism, and Pavlovian conditioning // Psychonomic Bull. and Rev. 1994. V. 1. P. 405–420.
29. *Titchener E.B.* On «Psychology as the behaviorist views it» // Proceedings of the American Philosophical Society. 1914. V. 53. P. 1–17.
30. *Černík V., Viceník J., Višňovský E.* Historical types of rationality // Paideia: Twentieth World Congress of Philosophy. Philosophy of Science. Paper presented at the Twentieth World Congress of Philosophy in Boston. 1998. URL: http://www.bu.edu/wcp/Papers/Scie/ScieVisn.htm (дата обращения: 20.09.2013).
31. *Warren H.C.* A history of the association psychology. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1921.

Поступила в редакцию 23. IX 2013 г.